

Шукшин стал улицей

Экран и сцена. — 1999-2000. — № 52. — с. 12-13

Послесловие к юбилею

Валерий ФОМИН

В этом году так размахнулись с пушкинским двухсотлетием, что поневоле многие дорогие для нашей культуры юбилейные даты и праздники оказались в тени. Неужто так вяло, невнятно нам надлежало, к примеру, отмечать столетие писателя-философа, праведника, провидца Андрея Платонова?

А вот — надо же! — Шукшин в юбилейном ажиотаже вокруг нашего первоклассника не потерялся вовсе. Его 70-летие Россия отметила достойно. Как всегда не подкачали близкие, друзья, соратники Василия Макаровича, и ранее немало уже сделавшие для того, чтобы уберечь память о нем. Ударно потрудились киноведы, историки литературы, музейщики, подготовившие к шукшинскому дню рождения целый букет новых книг, выставок, публикаций.

Но на этот раз помимо частных лиц и энтузиастов-индивидуалов отличились — в хорошем смысле и некоторые организации. В том числе Союз кинематографистов России. Всем региональным центрам Шукшина наш СК сделал увесистый подарок — два тома неизвестных документов по фильмам Шукшина, и по непоставленным его сценариям. И поистине волшебный дар российских властей — подписанное Сергеем Степашкиным Постановление о преобразовании Алтайского центра в музей федерального уровня отнюдь не с неба свалился. Чудо оказалось подготовлено опять-таки усилиями руководства нынешнего российского СК.

Так что отличились многие и повсеместно. Но вот если бы — перейду на спортивную терминологию — у нас проводился чемпионат России по любви к Шукшину, то я бы без колебаний присвоил звание чемпиона Волгоградской области, серебряную награду отдал Алтаю, а бронзу — Москве.

Откуда такие предпочтения? Конечно, алтайцы молодцы, и много чего уже сделали и делают для увековечения памяти Шукшина. Но ведь они — земляки. И им, как таковым, по всем писанным и неписанным нашенским законам просто положено чтить знаменитого человека, родившегося на алтайской земле. К тому же, мягко говоря, при жизни в тамошних местах любовью и пониманием не слишком обласканный.

Москву, где тоже много сделано и делается в память об авторе "Калины красной", не вывожу в чемпионы по той простой причине, что с нее как со столицы и спрос куда более высокий. Шукшин в Москве учился, снимал фильмы, писал. Уже только в силу этих обстоятельств здесь больше осталось следов его жизни и творчества. Здесь живут практически все его соратники, сподвижники, друзья. И даже организационных, чисто материальных возможностей для того, чтобы провести какие-то мемориальные акции, тут несопоставимо больше, чем где-нибудь в российской глубинке.

А вот в Волгоградской области ничего такого нет и в помине. К тому же, как ни крути, а ведь не забудешь, что туда, на Дон, Шукшин уехал живым, а оттуда вернулся в цинковой одежке. И хотя земля волго-донская перед Шукшиным в том абсолютно не виновата — жизнь ему помогла укоротить исключительно в Москве, — все равно еще не скоро выветрится печально-эмоциональный шлейф уже от одного названия станции Клетская, где и случилась беда.

И вот даже при таком, казалось, заведомо невыигрышном раскладе сил и обстоятельств смею утверждать: "Волгоград — чемпион!" Сам в том убедился.

"Фразеологические единицы в произведениях Шукшина как объект лингвистического анализа"

Дни памяти Шукшина в Волгоградской области проводят осенью, прижимаясь к октябрьской скорб-

ной дате. Мне довелось поучаствовать в них дважды — в позапрошлом году и нынче, когда дни памяти отмечались уже в десятый раз. В обоих случаях пришлось испытать небывалые впечатления.

Самое отрадное из них, наверное, заключается в том, что вочую довелось убедиться в истинно народном признании Шукшина. У меня нет социологических данных на сей счет, да и не нужны они — все более чем наглядно было и так.

Встреча в Центральной областной библиотеке Волгограда была назначена на воскресенье, на десять часов утра. К тому же в тот же день отмечался праздник города и волгоградцам было на что поглазеть на улицах. И тем не менее зал библиотеки с утра был полным-полненьким. Не смог вместить всех желающих и читальный зал волгоградской библиотеки, носящей имя Шукшина. А во дворец культуры в Клетской пришла, кажется, вся станица.

И так было везде, на каждой встрече!

Кто-то из нашей московской делегации, предрасположенный к математическим головоломкам, быстро подсчитал, что в ходе поездки под шукшинские знамена народу собралось куда как больше, чем в войско легендарного Степана Разина.

Отдавая должное уменью и редкому энтузиазму устроителей этих встреч, участию знатных гостей из Москвы, надо все же признать, что переполненные залы и невероятные массовки были собраны и сованы прежде всего самим Шукшиным, одним его именем, которое как пароль объединяло всех, даже и впервые встретившихся людей. Такого не добьешься никакими рекламными кампаниями, никакими оргушищениями и властными рычагами. Подобного рода чудеса легко, органично, красиво, как бы само собой творятся энергией подлинно народной любви.

Самое удивительное, что в случае с Шукшиным, эта любовь с годами только растет и крепнет, как растет и аудитория, к которой он обращался со своими фильмами, книгами, ролями. Причем, растет не только количественно, но и качественно.

Поражает сам диапазон этой аудитории.

На одном ее полюсе — автора "Калины красной" и "Характеров" облюбовал, жадно приватизировал ученый люд. О Шукшине пишут научные монографии, кандидатские и докторские диссертации, его с нарастающим аппетитом изучают киноведы, литературоведы, историки, лингвисты. Вот и в Волгоградской области имела место научная конференция, посвященная творчеству Шукшина. Я держал в руках опубликованные материалы этого форума научной мысли, одновременно еле удерживаясь и от предательской умильной слезы, и от нестерпимого желания пошеяться над одними только названиями: "Специфические коммуникативные единицы диалога в произведениях Шукшина", "О средствах передачи значения длительности", "Ономастическая синтаксика и парадигматика художественного текста", "Вокативы в творчестве Шукшина". Да если б только одни "вокативы"! Под микроскоп научного познания оказались взяты и "антропонимы", и "фразеологизмы" и даже "внелитературная лексика произведений Шукшина".

Представляю, как катался бы по полу сам Василий Макарович, доведись ему поддержать в руках и почитать подобное научное чудо-юдо. И тем не менее серьезность, глубокомысленность — тоже показатель. О фильмах, да и о романах многих именитых или числящихся в таковых авторов, подобных трактатов почему-то не создается.

А вот на другом полюсе — сочинения нынешних волгоградских школьников о Шукшине. На такую, например, тему: "Что с нами происходит?" Или еще: "Нравственность есть правда". Вот от этих ребячьих каракуль уж действительно трудно было не уронить настоящую слезу — настолько они были серьезны, трогательны и чисты.

В нынешних школьных программах Шукшин, кажется, только упомянут где-то по разделу факультативного чтения. Но, оказывается, есть в России учителя, которые не только настоятельно рекомендуют своим восьмикласскам-десятикласскам почитать рассказы этого писателя, но еще и дают им возможность отрецензировать их в сочинениях на вольную тему.

Любуясь внушительным стендом ребячьих сочинений, невольно подумалось о том, что более дорогой и высокой награды для художника, пожалуй, и не придумаешь: чтобы о тебе — далеком, ушедшем — размышляли и исповедовались в школьных тетрадочках нынешние подростки. Впрочем, кроме сочинений, в той же библиотеке-районке школьники разыграли инсценировку шукшинского рассказа, разыграли с блеском и азартом.

А еще сказывали, будто и школьники младших классов замечательно поставили там "До третьих петухов". Значит, кто-то подкасал им эту идею, кто-то специально занимался с ними.

Вот почему "Волгоград — чемпион!" Там Шукшина вспоминают не только по календарным датам. Его помнят, любят, читают, ставят, размышляют о нем всегда.

На той самой земле, где пресекался жизненный путь Шукшина, он обрел вторую и, надо сказать, куда более счастливую жизнь. Здесь его признали **своим**. Признали абсолютно все — и ученые люди, и люди от земли. И даже их дети. Здесь он получил свое настоящее народное признание. Здесь, впервые в России, он стал еще и административно-географическим названием, дав свое имя одной из новых улиц Волгограда.

Впрочем, прежде чем рассказать об этом событии, не удержусь все же от одного горького воспоминания.

"Народ совсем опустился на карачки..."

1 сентября 1974 года застало меня в редакции "Литературки".

Я заканчивал тогда главу о Шукшине в книжку "Пересечение параллельных" и зарулил в редакцию, чтобы ознакомиться со зрительскими откликами на "Калину красную", пришедшими в "Литературку".

Фильм только что прошел по экранам страны. Прошел с невероятным триумфом. Но каково же было мое изумление, когда в обильной читательской почте я обнаружил лишь пяток добрых, сердечных откликов, авторы которых благодарили Шукшина за фильм, желали режиссеру удачи и здоровья. Все же остальное (а писем было свыше двухсот) оказалось потоком klochuchey злобы, ярости, непонимания. Автора фильма поливали помоями от всей души — изобретательно, мстительно, многословно.

"Калина красная" — фильм вредный, ненужный и бездарный. Он не может служить средством воспитания граждан Советского Союза. Из этой оценки следовало бы сделать соответствующие выводы".

"Я как рядовой зритель не нашел в "Калине красной" зерна высокой идейности, которое легло бы в основу воспитания подрастающего поколения и вселяло бы надежду на правильный выход из тупика в жизненных ситуациях".

"Фильм и киноповесть "Калина красная" (особенно последняя) — халтура, способная завести в заблуждение не только 18-летних".

"Калина красная" — дань дурному вкусу современного мещанина..."

"Калина красная" — это "дно" советской кинематографии, извращение социалистического реализма. И этот позор — получает Первую премию?! Зачем?"

"Почему современная деревня показана, как во времена Есенина? Лица жителей деревни обязательно некрасивые и обязательно с веснушками? Почему Петр — положительный герой — должен быть с татуировкой, а более приличным нельзя было его показать? Почему воровская "малина" существует так долго, пока находится в заключении Егор? Где же наша милиция?"

"Какую высокую идею показал в своем фильме Шукшин? Показал перед всем миром, что в Советской стране на 57-м году советской власти есть еще бандиты и процветает "разврат".

"Демонстрация такого фильма — очередная подножка воспитанию. И не получится ли так, что вместо новых Корчагиных после "Калины красной" станут наподобие "Фантомасов" плодиться новые "Прокудины"?"

"Почему официант сегодняшнего дня показан таким продажным? Это неправильно".

Ведь самое жуткое в том, что так оценивали фильм и требовали расплаты не черберы из тогдашнего советского Госкино, не штатные надзиратели со Старой площади, а самые что ни на есть "простые зрители". Писавшие не по принуждению, а по зову сердца. Те самые, ради которых и работал Шукшин, сжигая себя без остатка.

Теперь, много лет спустя, уже яснее видишь природу этого конфликта, его неизбежность. Любя свой народ, болея за него, Шукшин, тем не менее, сказал ему слишком горькую и безутешную правду. В силу своего темперамента он выразил эту правду гораздо резче, прямее, беспощаднее, чем кто-либо еще из двигавшихся в том же направлении.

Шукшина изначально причисляли к так называемой "деревенской прозе". Числят там и сегодня, не желая замечать, что причастность эта чисто внешняя, поверхностная, тематическая. Шукшин — "деревенщик" только по материалу, а по авторской задаче, по тональности разговора он абсолютно вываливается из известного писательского круга.

Он это и сам хорошо осознавал. За полгода до смерти мне довелось услышать от него: "В моей жизни многое определила война. Почему же война — ведь я и не воевал?"

В сорок первом мне было четырнадцать лет. Этого было мало, чтобы пойти на фронт, но этого было достаточно, чтобы многое понять и запомнить на всю жизнь.

Я помню, как в едином порыве поднялся тогда народ, как открыл он самые сильные свои стороны, глубинную суть своей души. И отсюда, во всяком случае, в первых моих литературных и кинематографических опытах — бесконечная благодарность человеку из народа. Она вынесена из тех грозных и страшных лет, из моей памяти о том, каким был народ в годы войны.

Но время идет. Многие переменялись и меняются прямо на глазах. У самого меня накапливаются какие-то новые впечатления, совсем другой опыт. Сравниваю свои первые вещи и теперешние. Замечаю: вместо лирики, теплоты, беззлобного юмора по отношению к герою накапливается нечто иное.

Про сельских людей — чистых душой и телом — писать становится все сложнее. Я и раньше считал, что так писать не надо. А теперь и вовсе не могу. Отношение к герою меняется. Может быть, робко, но меняется. Направляется сатирическая струна. Тянет к разговору более трезвому, даже ожесточенному. Да ведь и жизнь в деревне стронулась. Все беспокойнее становится. И разговор в искусстве о том, что дорого, надо вести дру-

гой...

Каюсь, что, публикуя это в свое время и опасаясь подвести Шукшина под монастырь, я опустил ключевую фразу той беседы: "С народом нашим случилась страшная порча. Он совсем на карачки теперь опустился."

Возможно, что и критика, щадя, оберегая Шукшина, а, возможно,

ПРИСУТСТВИЕ

просто не замечая перемен, до последних его дней упорно трындил и сюсюкала о его "чудиках" и "странных людях", в то время как сам он уже вовсю писал про народ, опустившийся на карачки. В прозе его уже вовсю толпились жлобы, упертые дуболомы, напрочь вывихнутые персонажи, а то и чистые монстры вроде провинциального советского Спинозы гражданина Н.Н.Князева.

В отличие от критики, читатели и зрители этот сдвиг почувствовали. И с ходу приняли такую правду не пожелали и не смогли. Острейший конфликт был неизбежен. И полетели искры.

Уязвленные прототипы шукшинских монстров не желали узнавать себя в зеркале его сюжетов и характеров и, взбешенные, подступали к автору с гневными обвинениями: где он видел такое?

Недаром, когда позднее я пытался опубликовать читательские и зрительские письма в своей книжке, главлитчики, словно устыдившись, беспощадно вырубали самые раскаленные, дышащие злобой и требующие расправы над автором строчки. А в "Литературке" я читал это вареву по первому разу, и мне показалось, что Шукшина вот-вот просто забьют ногами.

И надо же — именно в этот момент раздался звонок из Волгограда, и мы все обмерли от черной вести.

А потом уже было все: красивые некрологи, похороны, ставшие демонстрацией, паломничество на могилу на Новодевичьем, разливанное море статей с признанием заслуг, книжное издание романа "Я пришел дать вам волю", публикация последних, подчас незаконченных произведений. И письма, письма, письма...

Люди писали в редакции газет, издательства, киностудии. Писали о том, как им бесконечно дороги и близки произведения Шукшина. О том, какое потрясение вызвала у них его внезапная (такая ли уж?) смерть.

160 000 таких писем, как сообщила "Комсомольская правда", пришло только в самые первые месяцы после смерти.

Но это все было потом. И слишком поздно. Шукшин этих писем не читал и слов любви услышать не успел.

Это давнее и горькое воспоминание невольно посетил меня в тот момент, когда нынешней осенью нас буквально сорвали с очередной встречи с волгоградскими читателями, объявив, что надо поспешать на открытие новой улицы, каковой будет дано имя Шукшина.

Если бы эту радостную и неожиданную весть не преподнес один из руководителей областного управления культуры, ее можно было бы принять за не слишком удачную, если не злую шутку. Ведь еще слишком жива память о том, в каком унижении жил

и работал Шукшин, какими подлунками одаряли его власти при жизни. И вот теперь будет улица его имени?!

"А Бог-то все-таки есть!"

Но надо сказать, что энтузиазм, с которым наша маленькая делегация встретила замечательную весть, заметно стал таять, когда наш "уазик" покинул центральную часть города и устремился в сторону все более и более невзрачных улиц, унылых пустырей, заводских складов и замызганных автобаз.

Волгоград вытянулся вдоль Волги километров эдак на тридцать-сорок, и пока мы добирались до самой дальней его окраины, каждый из нас про себя, наверное, не раз и не два успел помянуть недобрым словом тамошних начальников. Выходило, что и у них Шукшин, в отличие от самих волгоградцев, все еще не в чести. Неужто нельзя было расщедриться, переименовав какую-нибудь Большую Советскую или Третью Коммунистическую в центральной части города? Уж вряд ли кто из жителей стал бы собирать митинги протеста против того, чтобы заменить марксистско-ленинское прозвище на имя замечательного русского писателя и кинематографиста.

Но настоящий удар настиг нас в самой конечной точке долгого путешествия — при виде места торжественной процедуры. Уж больно убогим, неухоженным и невзрачным оно оказалось. Улица, которой предстояло обрести имя Шукшина, была совсем маленькой и недостроенной. Архитектурный ее облик не только не вызывал никаких ассоциаций с творчеством Шукшина, но показался абсолютно чуждым, даже враждебным. Одна сторона этой улицы-коротышки была вся застроена однотипными красномордыми хороминами в стиле наинелепейшей новорусской архитектуры. На другой стороне во всей красе были представлены уродины позднебрежневской-раннегорбачевской архитектурной мысли. Все вкривь, вкось, — черт-те что и с боку бантик.

"Да... — тяжело выдохнул кто-то из гостей. Таким местечком только за большие грехи перед Родиной можно одарить."

Никто не стал ему возражать.

Пока ладили микрофоны, я решил поближе присмотреться к владениям, которые обломались моему кумиру. Улица еще не была заасфальтирована и над ней поднимались клубы самой что ни на есть всамделишной деревенской пыли. Вот она-то, родная, и попыталась первой примирить меня с окружающей действительностью. Было в ней что-то неподдельно живое, настоящее, онтологически нашенское.

Гавкали собаки. Пронеслась стайка пацанов. Я успел перекинуться с ними и узнал, что клонированные хоромы построили офицеры-афганцы. Что будто бы назвать улицу именем Шукшина попросили сами ее жители. Последняя новость благоприятно подействовала на мое мироощущение. Пейзаж уже не казался таким неблаговидным, как поначалу. Особенно тот, что виднелся в отдалении.

Дело в том, что улочка уходила вниз по пологому склону холма и там, в самом низу его, заканчивалась. А вместе с ней заканчивался и сам город.

Дальше уже был простор и воля — пологий склон другого холма, который поднимался все выше и выше к самому небу. Что-то в этом рельефе помешалось алтайское, полугородское, полудеревенское.

Шукшинское?

А что, вполне...

До чего же мы все-таки отходчивый и неприязнительный народ!

Когда я поднимался по той же улочке вверх, она уже не показалась мне такой страхолюдиной, как поначалу. Даже несуразные дома напомнили забытых шукшинских "чудиков". И не заметив, как это произошло, я эту улицу признал и, кажется, успел полюбить. Особенно после того, как заметил молоденькие березки и аккуратно, заботливо прикопанный куст кудрявой калины. Да еще с ягодами!

Приживутся — здорово будет!

Наконец наладили аппаратуру, накрыли прямо на улице стол с нехитрым, но щедрым для всех угощением. Похоже, что тут что-то произошло еще и в самых высших сферах. Осеннее небо разгладилось, разошлись все облачка, и открылась изумительная голубизна, распахнувшаяся, кажется, до самых последних своих глубин.

Заиграла тихая музыка. Кто-то из местных толкнул первую речь. Перерезали какую-то ленточку. И свершилось то, что когда-то и невозможно было вообразить в самом радужном сне.

Шукшин стал улицей.

Это было так здорово, так сказочно, что кто-то будто мягко толкнул меня в спину и я, вовсе не собиравшийся ничего говорить, подошел к микрофону и, протолкнув комок, стоявший в горле, сказал: "Вот в такие минуты надо, наверное, не только про себя, но вслух говорить, что Бог-то все-таки есть! Он все видит и рано или поздно все ставит на свои места и каждому воздает по заслугам. Вот теперь, вот сейчас наступил и черед Шукшина."

В последнее время мне посчастливилось наблюдать множество самых высоких и замечательных наградений, вплоть до государственных и президентских в замечательно отреставрированном Георгиевском зале Кремля. Но ни одно из них не вызвало во мне такого сильного ощущения заслуженной победы, высшей справедливости. В конце концов, надо бы еще помнить и нашу историю, и что сама цена земли в тех краях совсем другая. Ведь немногие города России удостоены звания "герой".

Совсем напоследок

Улицу Шукшина открыли еще и в станице Клетская. На следующий год пообещали открыть в Михайловке — городе, откуда обычно начинаются и где завершаются дни памяти Шукшина в Волгоградской области.

Вдруг и Москва-матушка спохватится, надумает подхватить этот почин. Что было бы справедливо.

Но, по правде сказать, я лично мечтаю о том, чтобы улица Шукшина открылась еще и в нашем нынешнем российском кино. Уж больно неприглядно заросла в нем борозда, так глубоко, так мощно проложенная когда-то автором "Печек-лавочек" и "Калины красной".

● Та самая улица